

*Матвеев Г.Ф.**

События 1968 г. в Польше, Югославии и Чехословакии: был ли это кризис социализма

Аннотация: События 1968 г. в ПНР, СФРЮ и ЧСР не свидетельствовали о кризисе социализма, но вызванные ими контрмеры способствовали появлению антисоциалистических настроений и организованной оппозиции.

Ключевые слова: социалистические страны, элиты, 1968 г., протестные выступления, реформаторы

УДК 94(438).083; 94(497.1); 94(437)

Abstract: The events of 1968 in the NDP, SFRY and the Czechoslovak Republic did not indicate a crisis of socialism, but the countermeasures they caused contributed to the emergence of anti-socialist sentiments and organized opposition.

Key words: socialist countries, elites, 1968, protests, reformers

По данным астрофизиков, пик 20-го цикла солнечной активности пришелся на ноябрь 1968 г. То есть этот год характеризовался особенно сильным воздействием Солнца на биологические организмы, включая людей, выразившимся в резком росте их активности, в том числе и социальной. Этой активностью некоторые даже объясняют и события 1968 г.

Конечно, такая трактовка событий 1968 г. с научной точки зрения ничтожна: массовое беспокойство охватило не все человечество или хотя бы один континент, а только некоторые группы населения в некоторых странах. В их числе были также Польша, Чехословакия и Югославия. В Польше и Югославии это были студенческие протесты, в ЧССР – инициированная партийно-государственным руководством попытка реформировать взятую КПЧ на вооружение модель социализма.

Во всех трех государствах власть безраздельно принадлежала коммунистическим партиям. Но при этом в них реализовались различные модели социализма. В Польше и ЧССР модель реального социализма, отличавшуюся от сталинской модели главным образом отказом от массовых репрессий. В Югославии – модель самоуправленческого социализма, характеризовавшуюся отказом не только от массовых репрессий, но и от директивно-распределительной роли ЦК СКЮ.

О каждом из этих кризисов существует немалая литература и доступные разнообразные источники, но углубленных сравнительных исследований еще нет. В своем выступлении я не планирую

* *Матвеев Геннадий Филиппович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян (e-mail: slav-ca@yandex.ru)

их комплексного анализа, а всего лишь хотел прояснить для себя два вопроса: 1) предшествовали ли событиям 1968 г. какие-то значимые события во внутривнутриполитической жизни означенных стран; 2) каковы были последствия этих событий.

VIII пленум ЦК ПОРП в октябре 1956 г. завершился неполной победой В. Гомулки, его недоброжелатели из числа тех, кто пришел во власть в середине 1940-х – начале 1950-х гг., многие из них еврейской национальности, остались на высоких должностях в партийном и государственном аппарате, в армии и дипломатии. Знаковой фигурой среди них был Р. Замбровский, который перестал быть секретарем ЦК лишь в 1963 г. Но и после этого он и его сторонники сохраняли сильные позиции в управлении страной.

Гомулку это, судя по всему, не очень тревожило, он не видел в них угрозы лично для себя. Но ситуация не устраивала ту часть партийного и государственного аппарата, которая пришла в политику после войны, получила образование и рассчитывала на успешную карьеру. Но на их пути к должностям стояли старые кадры, еще влиятельные, хотя уже не всеисильные.

Поводом к активизации кадровой ротации стала арабско-израильская война 1967 г. Вначале смена кадров шла в рамках рутинных процедур, принятых в партийном и государственном аппарате. Но 8 марта 1968 г. в Варшавском университете начались студенческие выступления, во главе которых оказались и дети или близкие номенклатуры сталинского призыва. Никаких антисоциалистических лозунгов и программ у митингующих не было, лидеры выступлений мобилизовали студентов призывами покончить с цензурой и осовременить систему высшего образования. Власти не позволили этим выступлениям перерасти в общественные беспорядки, хотя акции солидарности со студентами ВУ имели место и в ряде других вузов страны. Вслед за этим произошло ускорение процесса ротации кадров, своих постов в тот же год лишились несколько тысяч высокопоставленных работников, главным образом еврейской национальности. Внешне, это и было главным следствием студенческих выступлений в Польше. Хотя на самом деле эти последствия были более значимыми: ПОРП и обществу была сделана прививка национализма в форме антисемитизма. Но все же характер и последствия мартовских событий 1968 г. не позволяют видеть в них свидетельство кризиса социализма.

В Югославии студенческие выступления июня 1968 г. в Белградском университете с весьма неопределенными требованиями (ликвидировать привилегии номенклатуры, облегчить социальный лифт и т.п.) произошли вскоре после смещения с поста руководителя госбезопасности СФРЮ А. Ранковича, которого прочили в приемники Тито. Он был сербом по национальности и пользовался авторитетом в самой крупной республике СФРЮ.

О связи этих событий свидетельствует поведение лидера СФРЮ и КПЮ Й. Броз Тито. 8 июня 1968 г. он приехал в Белград, чтобы самому принять участие в успокоении забастовавших студентов. В тот же день на совместном IX заседании Президиума и Исполкома ЦК СК Югославии Тито назвал

студенческие выступления не спонтанными, а заранее подготовленными и организованными. «Здесь есть разные элементы, от Мао Цзэдуна до Ранковича», – подчеркнул он. Тито с удовлетворением отметил, что у студентов не было националистических и шовинистических лозунгов, что студенты правильно ставили вопрос о внутреннем устройстве университета и системе преподавания, хотя их демонстрации нанесли сильный удар по престижу страны. О принятой митингующими резолюции с требованием сместить его и других руководителей Тито сказал, что этот документ написали не сами студенты, что это великосербская, «информбюровская» работа.

Тито также заявил, что надо было постороже поступить с А. Ранковичем и его группой, сослав их куда-нибудь далеко, и предложил не наказывать бастовавших, а постараться вырвать студентов из-под влияния чуждых элементов. «Студенты имеют оправданные требования. Я согласен с большинством их требований», – таков был вердикт вождя.

На основании приведенных выше косвенных свидетельств вполне правдоподобен вывод, что выступления белградских студентов отвечали интересам Тито, стремившегося не допустить нарушения баланса национальных представительств в руководстве СКЮ и государства в пользу сербов. Но вряд ли позволительно усматривать в них свидетельство кризиса социализма.

Куда масштабнее выглядят события 1968 г. в Чехословакии. Здесь после ухода партийно-государственного руководства «дооттепельного» призыва во главе с А. Новотным и прихода к власти группы политиков следующего поколения, как и в других странах советского блока началась эпоха «оттепели». Трагизм ситуации ЧССР заключался в том, что те страны уже прошли этот этап, поэтому Чехословакия на их фоне выглядела как вызов укреплявшему свои позиции «развитому социализму». Новое руководство, реально оценивавшее состояние народного хозяйства страны, неумолимо отстававшего от развитых экономик мира, к числу которых принадлежала довоенная ЧСР, демонстрировало желание радикально модернизировать экономическую политику. За основу они намеревались взять югославскую модель управления экономикой, предусматривавшую передачу рычагов управления из центра, в том числе партийного, предприятиям и трудовым коллективам. И в этом намерении пражские реформаторы не были оригинальны, достаточно вспомнить гомулковскую реформу в ПНР или косыгинскую в СССР, у которых была сходная основа. В ЧССР надеялись, что СССР не будет противиться реформе, поскольку именно в это время наблюдалось максимальное за последнее десятилетие советско-югославское сближение.

Но реформаторы явно недоучитывали различия в геополитическом положении ЧСР и Югославии в биполярном мире, а также сильный у советских руководителей «синдром 1941 года». Именно на эти болевые точки жали В. Ульбрихт и В. Гомулка, опасавшиеся, что «пражская весна» может выйти из-под контроля КПЧ и создать угрозу стабильности восточноевропейских социалистических стран.

И их давление на Л.И. Брежнева, поддержанное частью советского руководства, завершилось принятием решения о вводе войск Варшавского Договора в Чехословакию в августе 1968 г.

Полагаю, что события в Чехословакии также следует рассматривать не как проявление кризиса социализма, а как сознательную попытку замены модели реального социализма на экономически более эффективную самоуправленческую модель. Как развивались бы события в ЧССР, не будь августа 1968 г., можно только гадать.

Негативные последствия августа 1968 г. были более существенными, чем в Польше и Югославии. И прежде всего, это нарушение Варшавского Договора, предусматривавшего введение войск союзников только в случае вооруженной агрессии против одного из членов организации, что было равнозначно попранию суверенитета ЧССР. Немаловажным было также появление в стране организованной оппозиции. Этот перечень можно продолжить.

Суммируя вышесказанное, беру на себя смелость утверждать, что в событиях 1968 г. в Польше, Югославии и даже Чехословакии лишь в ограниченной степени просматриваются черты, позволяющие характеризовать их как наглядное свидетельство кризиса социализма. Но если говорить о предпринятых тогда против них действиях, то они действительно создавали питательную почву для появления антисоциалистических настроений и даже организованной оппозиции.